

«НЕСТОР СЛАВИСТИКИ»: К ЮБИЛЕЮ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ЧИЖЕВСКОГО

© 2019 г. Э.Г. Задорожнюк

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: elzador46@mail.ru

Задача статьи – подчеркнуть богатство идей Д.И. Чижевского относительно славянских культур, а также значимость их взаимного обогащения. На материале славистики (и в меньшей мере германославики) Чижевский пришел к утверждению, что разные этнические формы проявления правды красоты, святости и справедливости оцениваются степенью их особенности. Имеющееся в них индивидуальное начало освещает абсолютные ценности с новых сторон, поэтому национальные константы славянских народов и их культуры индивидуальны, самодостаточны и равноправны лишь в общечеловеческом контексте.

The article is aimed at emphasizing of how rich Dmitri I. Chizhevsky's ideas of Slavic cultures and their cross-fertilization were. In Slavic philology (and less in German-Slavic philology) Chizhevsky came to the conclusion that different ethnic forms of manifestation of the truth of beauty, sanctity and justice were estimated by degree of their peculiarity. Their individuality highlights absolute values from different angles, therefore national constants of Slavic people and their cultures are individual, self-sufficient and equal only in a universal context.

Ключевые слова: история, славянские культуры, славистика и германославики, культурное единение, общечеловеческий контекст, комениология, чижевскоеведение.

Keywords: history, Slavic cultures, Slavic philology and German-Slavic philology, cultural unification, universal context, Comeniology, Chizhevsky studies.

DOI: 10.31857/S0869544X0006812-6

4 апреля 2019 г. весь мир славистики и значительная часть славянского мира отметили 125-летие со дня рождения Дмитрия Ивановича Чижевского, которого часто и вполне справедливо именуют «Нестором славистики». Это, в первую очередь, касается высокой значимости его работ для многих сфер данной предметной области; о вкладе в нее Чижевского написаны десятки книг и сотни статей на десятках языков. Лидерами в данном отношении являются украинские исследователи в своей стране и за ее рубежами. Однако и на русском языке с начала нового столетия вышли фундаментальные труды и Чижевского, и о Чижевском, тем самым легитимизировав целый пласт исследований (под вводимым нами названием) – чижевскоеведения. И. Федорив в качестве уже общепринятого использует украинский

термин – «чижевськознавство» [1. С. 124]. В их числе его труд «Гегель в России» [2], первый том трехтомной биографии под редакцией В. Янцена [3], а также монография недавно ушедшей из жизни Н.С. Надъярных [4]. В презентации отечественному (и славяноязычному) читателю творений Д. Чижевского, включая первые публикации его работ (в частности, в четырехтомнике его философских произведений на украинском языке) [5], а также работ о нем, можно отметить и многочисленные статьи в журналах из доброго десятка предметных областей.

Все же отечественное чижевскоеведение лишь начинает развиваться, а возвращение Чижевского в Россию не столь уж заметно. На это справедливо указывают современные отечественные слависты, подчеркивающие, что он «принадлежит к элите мировой славистики» [6. С. 85].

Юбилейная дата – важный побудительный момент к такому более полному его возвращению; работа в данном направлении востребована не только научными кругами, ибо даже чисто академические исследования тончайших филологических пластов творчества Чижевского откликаются и политическими резонансами. Дело в том, что он постоянно разрабатывал важнейшую задачу – анализ славянских культур и процессов их взаимодействия – в самые сложные для этого времена и в условиях давления на них, в первую очередь, со стороны Германии, в ходе мировых войн. Да и после их окончания в 1919 г. и 1945 г. славянский мир и его культуры не пребывали в благостном состоянии, свидетельством чему являются своеобразные культурные «микровойны» между соседними народами.

Творчество Чижевского – строго научное доказательство и одновременно страстный протест против такого рода внешнего давления и внутренних войн. В этом плане его глубокие изыскания – убедительный аргумент в пользу того, что взаимодействие этих культур в диахроническом и синхроническом аспектах обогащает и культуры соседних европейских народов, а также всего человечества. Федорив небезосновательно утверждает, что Чижевский, избегая чрезмерных акцентов и «на схождении, и на расхождении» славянских культур (включая русскую и украинскую), доказывал: они – не придаток или повторение культуры Европы; более того, без них Европа не стала бы Европой [1. С. 131].

Авторы книг, статей и предисловий о Д.И. Чижевском правомерно утверждают, что богатство его идей особенно четко проявляется на фоне, можно сказать, трагической для научного творчества биографии «Нестора славистики». Но вопреки тяжелейшим жизненным обстоятельствам – хотя, возможно, и благодаря им! – Чижевский делал важнейшее дело для науки о культуре, в первую очередь славянской, и практики взаимопонимания между всеми народами. Он мысленно схватывал и расшифровывал этнически окрашенную специфику этой культуры, работал с поистине глубинными культурными слоями и их философскими смыслами на материале крайне тонкой филологической эмпирики.

Редко кто из занимающихся творчеством Чижевского и даже обращающихся к нему в поисках материала (а искать есть что) не согласился бы с суждением о его авторитете, открывающим книгу автора первого отечественного монографического исследования о Д. Чижевском Н.С. Надъярных. «Поначалу, – пишет она, – я не представляла, с какой мыслительной глыбой придется столкнуться. И хорошо, что мне вовремя подоспела помощь – Гуссерль. Поддерживая кандидатуру Дмитрия Чижевского на преподавательскую должность в Галльском университете, он писал: “Это чрезвычайно образованный, самостоятельно мыслящий философ, исходя из своей *славистики*, увлеченный преимущественно *Гегелем*, он в то же время пребывает под влиянием феноменологии, при этом для него

характерна поразительная широта учености, охватывающей различные области культуры» [4. С. 3]. Выделенные мною слова неслучайны, поскольку лишь Чижевскому был по силе замысел: показать специфику перцепции и Гегеля, и *феноменологии* представителями именно славянских народов. А ведь как раз они первыми и наиболее успешно воспринимали и глубоко интерпретировали достижения западной мысли, скажем, немецкой классической философии; англичане и французы осуществили это с большим временным лагом.

Приводимое суждение Гуссерля прозвучало в конце 1920-х годов, а в самом конце 1960-х годов Гадамер, ведущий немецкий философ уже второй половины XX в., немало содействовавший переезду Чижевского в Гейдельбергский университет, на 75-летнем его юбилее сказал: «Если когда-то Фридрих Великий будто бы сказал о Лейбнице, что он воплощает собой целую Академию, то в более узких и широких рамках нашего столетия вы тоже можете претендовать на нечто подобное» (цит. по [3. С. 401]). Задолго до этого одни зарубежные ученые именовали его тем же «Нестором славистики», другие – оригинальным филологом феноменологической и герменевтической философских школ, третьи – гумани-тарием-универсалистом, лишь в СССР до начала 1980-х годов его, в основном по идеологическим причинам, замалчивали, хотя и здесь многие видные ученые ощущали воздействие этой «глыбы».

Жизненный его путь очень непрост, он усугублялся обстоятельствами личной жизни, и великой ученый не раз мог повторить слова Евангелия от Матфея: лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а сын человеческий не имеет где приклонить голову (Мф 8, 20). В чем-то это было следствием обстоятельств, а в чем-то – характеристикой его личности, причем именно личности барочной (в его лексике – бароковой). Креативность энергии, сочетающая зачастую антитетические составляющие, и мощь творческого синтеза определяют жизненные и научные траектории Чижевского, равно как и ранее глубоко исследованные им траектории Я.А. Коменского (Моравия – Германия – Польша – Голландия – Англия – Швеция – Семиградье – Голландия), Феофана (Прокоповича) (Рим – Германия – Петербург) и Г. Сквороды (Петербург – Москва – Венгрия – Вена – и странствования по родной Украине). То же – у Чижевского: юность в Херсонской губернии – учеба в Петербурге, а затем Киеве – с 1921 вынужденная эмиграция в Польшу, с 1924 жизнь и работа в Праге, с 1932 – разработка в сложнейшие времена проблем германославистики в Галле (где отыскан для публикации потерянный текст чеха Я.А. Коменского) и с 1945 г. в Марбурге, с 1949 по 1956 г. в Гарварде, где в условиях его какого-то едва ли не патологического непризнания были заложены основы высокопродуктивной славистики – наконец, завершение творческого и жизненно-го пути в Гейдельберге, где Дмитрий Иванович скончался 18 апреля 1977 г.

Сам Чижевский в работе «До проблем барока» (название на украинском языке с одним «к» и мужского рода), выпущенной в литературном журнале «Заграва» в немецком Аугсбурге в 1946 г., писал: «Часто трудно сказать, что тянет людей барокко на чужбину: их собственное желание или же гонит их принуждение – неустройство и бездолье» [5. С. 75]. И это так. Достаточно взять, к примеру, американский период его жизнедеятельности: он так и не выучил английский язык (при том, что он знал едва ли не десяток других языков), вступал в трудно объяснимые конфликты даже с благожелательно настроенными по отношению к нему людьми – тем же Р. Якобсоном и другими славистами, а также администрацией университета и неподготовленными студентами; они усугублялись, житейской неустроенностью, более чем скромной зарплатой и т.д. «Чижевский, – пишет М. Шруба, – так и не прижился в Гарварде, и американская академическая среда

осталась для него в высокой степени чуждой» [7. С. 64]. По всей видимости, по сведениям его обширной переписки, Чижевскому и сама Америка казалась культурно чуждой — несмотря на то, что она приютила его жену-врача и дочь, ставшую авторитетным славистом — и отсеченной от близких его сердцу славянского и германского миров. Америка платила ему непризнанием, правда, многим позднее его авторитет здесь стал общепризнанным.

Крайне сложно складывались его отношения с украинской эмиграцией. Ангажированности политизированным украинством он избегал, хотя едва ли не трепетное отношение к национальным культурным ценностям Украины в его творчестве обнаруживается со всей полнотой. Чижевский начал довольно рано дистанцироваться от политизированных лозунгов эмиграции — еще с 1920-х годов. С одной стороны, в 1918 г. он избирался от фракции Российской социал-демократической рабочей партии — меньшевиков (РСДРП-(м)) в Центральную раду и в ней голосовал против независимости Украины, придерживаясь позиций федерализма. С другой же — его кандидатура рассматривалась в качестве возможного министра труда в правительстве Украинской народной республики, за что его едва не расстреляли в 1918 г. большевики. В 1921 г. они же приговорили Чижевского к смертной казни за нелегальный переход советско-польской границы. Поэтому, став эмигрантом, он устал от политики и отошел от установок как на украинство, так и на меньшевизм, поставив на первое место академические исследования. При этом, исследуя самые глубинные корни украинской культуры, Чижевский оказывал влияние практически на всех ученых-украинистов и в Праге, и в Германии; он поднял их на высокий уровень — трудно достигаемый не только студентами, но и многими коллегами — на кафедре украинистических исследований в Гарварде. Линия славистических исследований отца была продолжена там его дочерью Т.Д. Чижевской, а затем и в Уэйнском университете.

Следует особо отметить, что в то же время он постоянно расширял поле своих научных разработок в рамках славистики в целом, комплексно анализируя культуру практически всех славянских народов; кроме того, именно его труды подняли статус такой предметной области, как «германославика». Правда, он избегал публикаций о ней в годы войны, чтобы не освещать проявление даже реального немецкого влияния на славянские культуры, что могло дать повод политически ангажированно их интерпретировать. При этом он не избегал критических суждений в адрес унифицирующих многие культуры установок на тоталитаризм как в советском, так и в нацистском вариантах. Более того, в тяжелейших условиях жизни в нацистской Германии он находил возможность поддерживать узников концлагерей, помогать евреям и славянам, вывезенным на принудительные работы в Германию.

Своего принципа расшифровки культур, особенно в пунктах их пересечения, Чижевский придерживался всегда, не считаясь с личными невзгодами — которые, впрочем, легко можно было бы устранить, если бы он шел на компромиссы. Мало того, он подвергался дополнительным испытаниям из-за своей научной бескомпромиссности — доносы и клевета сыпались на Чижевского постоянно. Примечательны в этом плане свидетельства из его автобиографических материалов, воспоминаний и писем.

В ответ на запрос Американской военной администрации Чижевский в июле 1945 г. писал в одной из кратких автобиографий: «Мой жизненный путь привел меня из России в Польшу, Германию, Чехословакию, Голландию, Швецию и т.д., и я повсюду имел возможность убедиться, что тесные границы, в которые история поставила жизнь этих стран, вредят этим странам и их народам не только

в хозяйственном, но и в культурном отношениях. Наглядный урок того, какой была бы Европа без примирения народов, дала нам “Европа Гитлера” с ее человеческими ужасами и материальной нищетой» [3. С. 57]. А в 1953 г. он писал, что страдает от доносов: «Два году тому назад надо было, желая повредить человеку, доносить, что он “наци”, теперь предпочтительны доносы, что такой-то — коммунист» [3. С. 153]. Как раз доносы и помешали найти достойную его гения работу в Германии, а также долго препятствовали отъезду в США; подозрительного отношения к себе со стороны коллег «Нестор славистики» не избежал и там.

О своих тяготах он часто пишет в чем-то эпически, хотя и с элементами юмора; они — всего лишь шумовой фон для углубленных научных занятий. При этом ему особо удавалось изучение культурных кодов различных народов и обнаружение в них источника взаимопонимания между их носителями.

Подобные исследования велись Д.И. Чижевским и в самые тяжелые времена. В его письме А. Бему от 2 июня 1942 г. отмечалось: «Сейчас обрабатываю *славянский* отдел *венгерского* института в Берлине, где оказалось несколько редчайших *чешских* книг (16—17 вв.) и даже несколько потерянных и вообще неизвестных книг: “Псалмы” Нетолицкого 1562 г., известные до сих пор только из индекса запрещенных книг, один букварь 18 в., два сборника чешских стихотворений, изданных графом Шпорном, несколько (около 10) чешских и *польских* поздравительных стихотворений, изданных в 17—18 вв. в Виттенберге чешскими изгнанниками, и т.д. Есть и рукописи, к которым пока не приступал» [4. С. 20]. Выделенные мною курсивом слова с учетом того, что письмо написано на *русском* языке, вполне отражают характер работы Чижевского.

Все же ключевой богемистической темой в своем творчестве Чижевский выделяет наследие Я.А. Коменского, самими чехами открытое — переоткрытое. «Оглянувшись на сделанное, допускаю, что дольше всего будут сохранять интерес к моим трудам чехи: сюда прежде всего зачисляю открытие рукописей Коменского, а также исследование церковно-славянской литературы на чешских землях, еще, возможно, комментарии к чешским средневековым песням и работу о чешской барочной литературе [...] Что же касается моих разысканий о русских и словацких поэтах и мыслителях, то, поскольку они бесконечно далеки от марксистской идеологии, их, в лучшем случае, не принимают во внимание в обеих странах» [8. С. 26], — утверждал он.

Ян Амос Коменский, родившийся в 1593 г. в Южной Моравии, а умерший в 1670 г. в Амстердаме, скончавшийся, как и Чижевский, на чужбине, стал путешественником не по своей воле. Предки его перебрались из Словакии в Чехию, он учился в Гейдельбергском университете — месте работы Чижевского в конце его жизни, также эмигрировал из враждебно настроенной к нему родины в Польшу, где успешно занимался именно пансофией (обучением всех всему), лично внедрял свои педагогические идеи в жизнь в Англии и Венгрии, а в 1656 г. переехал в Амстердам. И как раз в архивах Галле (там он с 1932 г. работал преподавателем славянских литератур и языков) Дмитрий Иванович обнаружил считавшуюся безвозвратно потерянной рукопись «Пансофии» в четыре тысячи рукописных страниц, которую собственноручно перепечатал, подготовил к печати и прокомментировал в условиях всеразрушающей войны. Я. Паточка в заметке «О коменологических трудах Дмитра Чижевского» отмечал: «Чижевскому обязаны вечной благодарностью все, кто занимается трудами Коменского» [3. С. 330].

Через семь лет после обнаружения «Пансофии» Чижевский — в год нападения Германии на СССР — выпустил в Праге книгу «Український літературний барок».

Труд трактовал все славянское барокко как весомый феномен всемирной культуры. По его мнению, и «Пансофия» свидетельствует об универсальности и всеохватности барокко; открытие рукописи можно трактовать и как побуждение целой генерации славистов, которые призваны были исследовать проявления данного стиля в своих культурах, как и в культурах, связанных не только со славянством. Так, всесторонне анализируя творчество Сковороды как представителя барокко, он «помещает» украинского мыслителя между немецкими мистиками и представителями предромантизма. Затем Чижевским проводится линия связи Сковороды с певцами буколических мотивов в поэзии западных и южных славян. Просматривается и пансофистская функция наставлений Сковороды будущим поколениям, на что указывали и отечественные слависты [9]. Примечательно проведенное Чижевским сопоставление взглядов Коменского с украинским духовным писателем Иоанном Вишенским (ок. 1550 – после 1621).

Всеславянский характер барокко – важнейший концепт Чижевского, расшифровка которого ориентирует на анализ взаимодействия культур практически всех славянских народов, включая русский, украинский и белорусский. Относительно культуры последнего Чижевский заметил, что именно Симеон Полоцкий, уроженец белорусского города, привнес в Москву поэзию барокко. Данная мысль пронизывает и труды ученых Института славяноведения [10–12].

Если вернуться к воздействию идей Чижевского о барокко на чешских ученых, он вынес на широкое обсуждение эту тему, плодотворно дискутируя с такими историками литературы, как С. Соучка и Й. Вашица, Ф Шальд и А. Новак, породив целую генерацию «барокковедов» в дальнейшем. В одном из писем к А. Бему он отмечал, что в 1942 г. получил 12 писем от чехов – только по два от русских и украинцев [4. С. 24]; не менее интенсивно он переписывался с чехами и позже. Эта переписка не была только благожелательной. Еще в 1933 г. в немецкоязычном журнале он остро критически высказался о книге Ф. Пеликана о современной русской философии. Защищая критикуемого, Б. Яковенко дал отповедь своему соотечественнику, обвинив его в «диффамации» [13. С. 52–53].

Для проходившего в 1968 г. в Праге славянского конгресса Чижевский подготовил научный доклад о всеславянском барокко. Однако когда 18 августа 1968 г. большие группы славистов собрались прослушать доклад Чижевского, он заявил, что зачитывать его не станет, поскольку его творчество десятилетиями игнорировалось в СССР. А спустя всего три дня после столь его эпатажного выступления в Чехословакию были введены войска стран-соседей, и акция Чижевского приобрела дополнительные политические смыслы, хотя он снова вернулся к своим академическим занятиям и чрезмерной антисоветской активности не проявлял. Демарш на конгрессе славистов в Праге – лишь одно из проявлений его неприятия советской власти, от угроз со стороны которой он перебрался из Галле (восточная зона оккупации) в Марбург (западная), потеряв очередной раз архивные материалы и библиотеку. Но в ряды политических борцов и даже обличителей он не становился, все глубже погружаясь в академические исследования. Отсюда и крайне двойственное отношение к Чижевскому со стороны радикальной части представителей украинской диаспоры, особенно радикальной.

В целом, именно в Чехословакии, а еще точнее – в Праге Чижевский: а) сблизился с русскими мыслителями (установил долготлетние дружеские отношения с С. Франком) и в меньшей мере – украинскими; б) сотрудничал с Пражским лингвистическим кружком, намечая для ряда его членов (в частности, Я. Мукаржовского, которого обучал русскому и украинскому языкам и который уже в послевоенной Чехословакии стал ректором Карлова университета) выход за

доминирующую там структурно-функционалистскую парадигму; в) с опорой на нарратологию определил направление своих исследований к феноменологии и, в частности, феноменологии персонологической. Под последней Чижевский понимал охват круга явлений именно личностью – и проявления мира через субъектность личности (явленность «я» через мир и мира через «я»). Как раз этой проблематикой занимался его чешский коллега и соученик у Гуссерля Я. Паточка; эту же линию в эстетике разрабатывал польский феноменолог Р. Ингарден, тоже ученик Гуссерля.

Д.И. Чижевский не только поддерживал контакты с Ингарденом, но и организовал группу польских славистов с целью комплексного анализа «Пана Тадеуша». В Словакии его привлекла фигура Л. Штура, идеям которого он посвятил большой труд. В Болгарии он тщательно изучил Тырновскую школу богословия и литературы XIV–XV вв., близкую к исихазму и транслирующей его всему славянскому миру. Чижевский анализировались культуры других южнославянских народов: в первую очередь, сербов и хорватов, а также македонцев и словенцев. При этом он отмечал, что, к примеру, традиция эвгемеризма (теория мифов, утверждающая, что почитание богов возникло из культа великих умерших героев) была свойственна всем народам славянского юга. А такие культурные феномены, как переводы греческих авторов, творения, осуждающие еретиков, образцы жанра житий пришли в восточнославянский мир как раз из Болгарии и в меньшей мере – Сербии.

В XIX в. было и встречное движение, констатировал Чижевский. Он утверждал, что присущая поэзии Шевченко эвфония и музыкальность как раз успешно перекодировалась (лучше сказать – перепевалась) хорватскими поэтами В. Незором и М. Крлежей, словенскими О. Жупаничем и С. Косвелой [14. С. 58]¹.

Как раз на материале славистики и в немного меньшей мере германославики Чижевский пришел к одному из своих фундаментальных выводов. По его утверждению, разные этнические формы проявления абсолютной правды красоты, святости и справедливости оцениваются степенью их общности. Имеющееся в них индивидуальное начало освещает абсолютные ценности с новых, дотоле не имеющих сторон. «И совершенно ясно – как надо с этой точки зрения решать вопрос об отношениях между нацией и человечеством, между национальным и общечеловеческим, – каждая нация является раскрытием какой-то одной его грани. Но только благодаря этим своеобразным отдельным осуществлением общечеловеческий идеал и жив. Поэтому каждая нация в своем своеобразном, оригинальном, в своей “односторонности” и “ограниченности” и имеет вечное, общее значение, подобно тому, как живы в обществе разнообразные человеческие индивидуумы, так конкретные разнообразные нации объединены в человечестве. Только через них и в них человечество возможно», – утверждал ученый [4. С. 41–42]. Национальные константы в культуре индивидуальны, самодостаточны и равноправны как раз в общечеловеческом контексте, считал Чижевский.

Так, ему удалось трактовать на подлинно гуманистических основах содержание многих понятий украинской философии; к примеру, «кардоцентризм», подразумевающее, что под этим смыслопорождающим началом выступает не столько ум,

¹ Чижевский далеко не в полной мере исследовал влияние Шевченко на славянский мир, которое было крайне широким и плодотворным (подробнее см. [15. С. 242–267]). Он предпочитал сопоставлять идеи украинского поэта не столько с работами Шафарика, сколько, к примеру, с трудами левогегельянца Д. Штрауса, в чем-то нарочито оставляя контакты первого рода будущим исследователям – германославицам.

сколько сердце, находя соответствующие мысли и у немецких мистиков. Действительно, умение Чижевского услышать самое тихое или спрятанное за наукообразными формулировками слово позволяет делать ему самые смелые умозаключения.

Столь же «деликатен» Чижевский и в пунктах пересечения различных мыслетипов. Возьмем, к примеру, его блистательный этюд «Г.С. Сковорода и немецкая мистика», опубликованный в 1929 г.² В нем демонстрируется, что тот же кардоцентризм присущ таким немецким мистикам, как Себастиан Франк и Якоб Бёме, а мистическое начало «сумрачного германского гения» отыскивается в мыслях украинского «старчика» (как именовали Сковороду)³.

Примечательно и сравнение «жидовствующих» с чешскими гуситами в московской Руси в докладе «Західноєвропейська філософія в старій Україні (XV–XVIII ст.)», прочитанном в Берлине в 1927 г. Те и другие считались еретиками, соответственно, католической и православной церквями, вторые проявили немалую активность в Новгороде и даже в Москве в конце XV – начале XVI в.; учение развивалось, в частности, при поддержке дипломата Ф. Курицына. Часто другие имена не доходили до потомства, поскольку их представителей «искоренили огнем и мечом» [5. С. 99].

Изданная не так давно наконец-то в России работа Чижевского о философии Гегеля [2] – часть его масштабного проекта «Гегель и славянство», инициатива разработки которого никому больше не оказалась под силу. Его восприятию ведущим представителем словацкой мысли была посвящена книга «Философия жизни у Людовита Штура» (1941) на словацком языке и фундаментальная статья «Гегель у словаков» (1961) на языке немецком. Были подготовлены материалы об отношении к философии Гегеля других славянских народов. Они ждут пристального исследования, чтобы проект «Гегель и славянство» предстал во всем объеме как важнейшая составная часть германославики и расшифровки моментов встречи разнородных культур. Загадок здесь больше, чем разгадок, и первые лишь множатся.

Диссертацию на указанную тему Д.И. Чижевский защитил в Германии в 1933 г., книга «Гегель в России» была издана сначала на немецком языке (в 1934 г. и переиздана в 1961 г.), а затем на русском (в Париже, в 1939 г.), появился и ее украинский перевод в уже упомянутом четырехтомнике [5]. В ней выявился и присущий Чижевскому методический прием: неожиданность доказательности, обнаруживающий философию в филологии – и наоборот; прием, ставший креативным орудием у М. Бахтина, Г. Гачева и С. Аверинцева, да и не только у них.

Гегель предстает, как рельефная фигура, преобразовывавшая и славянский мир, к которому он испытывал едва ли не презрение. Чижевский показывает: одно дело – демонстрируемое⁴ невнимание к этому миру, и другое – существо-

² Извлечения из прочитанного в 1929 г. доклада см. [16].

³ Есть еще одно, по Чижевскому, персонифицированное и отдаленное по времени место встречи этих начал. Это поэзия Р.М. Рильке, тоже сочетавшая мистичность и сердечность (правда, на мой взгляд, они брались и из русской литературы, бывшей для немецкого поэта духовной святыней).

⁴ Или тщательно скрываемое – если вспомнить известную цитату из письма Гегеля к Б. фон Икскулью: «Вы счастливы, что вы имеете отечество. Занимающее такое значительное пространство в области мировой истории и имеющее, вне сомнения, еще большее значение. Другие современные государства, как кажется, уже более или менее достигли цели своего развития; возможно, что уже оставили кульминационный пункт развития за собою, и их состояние стало стационарным (statarisch); Россия же, возможно, уже самое могущественное государство среди остальных, несет в своих недрах огромные возможности развития своей интенсивной природы. Ваше личное счастье, что вы благодаря вашему рождению, вашему состоянию, вашим талантам и знаниям можете претендовать на то, чтобы занять в этом колоссальном здании не только подчиненное положение» [2. С. 26].

вание любой системы мысли в широких социальных и культурных контекстах, включая все тот же славянский мир, замеченный в качестве культуротворческой части Европы уже Гердером [17]⁵.

Чижевский одним из первых описал и прямые контакты немецкого философа с русскими мыслителями, в частности, будущим лидером славянофильств И. Кириевским в феврале 1830 г. А. Валицкий, констатируя, что «влияние философии Гегеля в России, как и в Польше, несравнимо с влиянием любого другого мыслителя Запада», отметил, — с опорой как раз на работу Чижевского — что здесь создался феномен «православного гегельянства». Правда, оно не стало доминирующим, поскольку гегельянство ориентировало, скорее, на революционаризм, чем охранительство [18. С. 339]. До Валицкого и даже до Чижевского подобную мысль выразил и Т.Г. Масарик: «Тургенев — гегельянец, как почти все его сверстники. Гегель внушил ему интерес к философии истории, к пониманию закономерностей исторического развития и к прогрессу — слово “вперед” стало для Тургенева философским и социально-политическим девизом» [19. С. 297–298]. Остается добавить, что именно Чижевский раскрыл фигуру одного из «гегелистов» Тургенева, описывавшего и сменивших их «нигилистов» в романе «Отцы и дети», с наибольшей полнотой.

Примечательно, что Чижевский скорректировал представление Т.Г. Масарика (затем повторяемое русскими исследователями-эмигрантами) о том, что все славянофилы испытывали влияние лишь Шеллинга, а западники — только Гегеля, утверждая (в примечаниях): «Это неверно» [2. С. 390]. И отметил: «В значительной степени мысли Гердера об историческом призвании каждого народа, об особом месте славян в истории с целым рядом понятных и приемлемых для каждого гегельянца понятий, схем и словечек (в первую очередь “Дух”. “Мировой дух” и “Дух народа”) пришли в Россию в той форме, которую им придал словацкий славянофил И. (Ян. — Э.З.). Коллар в своих статьях о славянской “взаимности” в 1830–1843 гг. Но идея славянского призвания, как мы увидим, отнюдь не была центральной идеей русских гегельянцев, не стала их главной темой. Русское гегельянство было и оставалось теоретически направленным учением. Поворот к “практике” славянофильской — точно так же, как к “философии дела” политиков-радикалов, — означал для русских гегельянцев почти всегда отход не только от Гегеля, но и от философии вообще. Русские гегельянцы не ожидали от философии *непосредственного* (курсив в оригинале. — Э.З.) решения практических вопросов» [2. С. 27].

В целом, Чижевский выявил некую трепетность отношения к Гегелю у представителей славянской мысли, включая не только русских и украинцев, но также словака Л. Штура и поляка А. Цешковского, отсутствовавшие, по крайней мере, поначалу, у представителей романского и англосаксонского миров. Фиксация этого выявленного на уровне самых разных текстов отношения к Гегелю — несомненная заслуга Чижевского⁶.

Мысль о том, что влияние Гегеля на русскую мысль происходило со многими перекосами, была проиллюстрирована Чижевским с таким богатством примеров

⁵ Немецкий мыслитель предсказывал великое будущее именно славянским народам и утверждал, что Украина станет «новой Грецией». Чижевский с одобрительным вниманием цитировал такого рода суждения Гердера.

⁶ Интересны в этом плане оценки Чижевским А. Цешковского, воспринявшего идеи Гегеля до такой степени, что появился апокриф: немецкий мыслитель якобы подарил польскому кольцо как своему наследнику. Этого быть не могло хотя бы потому, что первому исполнилось всего 17 лет в год смерти второго.

и наблюдений, которое позволяет видеть в его лице уникального мастера расшифровки взаимовлияния культур, а главное — момента их сочетаемости. Особенно значима при этом конкретность детали в национальном ее оформлении, что порождает новые ракурсы видения качеств контактирующих культур — без потери их идентичности. А в целом — и видения ценностей общечеловеческой культуры, где доминирует (должно доминировать!), по убеждению Чижевского, не «или — или», а «и — и». Его вклад в анализ этих ценностей лишь предстоит оценить.

Боле того, можно отметить, что работа Чижевского «Гегель в России» задает новую планку исследованиям по рецепции и других ведущих западных мыслителей миром русской и даже шире — славянской культуры. К примеру, «сухого» Канта и «огненного» Ницше, да и того же Маркса. Конечно, работ о рецепции этих и других мыслителей много, но все же труд Чижевского мобилизует в этом плане на освоение новых мыслительных горизонтов путем расшифровки моментов взаимодействия культур.

Причиной обращения, казалось бы, к сугубо историко-философской теме гегельянства в России и славянских странах послужило то, что Чижевскому в ее разработке как никому другому удалось представить это философское течение как историко-культурный феномен такого же всеохватного характера, как и славянское барокко в прежние века, и футуризм в славянских литературах⁷. Все три наблюдения доказательно представлены во многих трудах Чижевского; их расшифровка в плане взаимной рецепции — дело будущих отечественных исследователей.

Отмечая юбилейную дату, необходимо подчеркнуть значимость для современной культуры богатства идей Чижевского относительно культур славянских и способов их взаимного обогащения, а также для славянского мира в целом, составляющие народы которого переживают временные сложности взаимонепонимания. Сложности, совершенно чуждые самой природе этого мира, что и доказывает вся подвижническая жизнь и богатейшее творчество самого Чижевского.

В целом творчеству Д.И. Чижевского с его культурной, в первую очередь филологической и философской полномасштабностью, присущ важный вектор, ориентированный на культурное единение народов: славянского ареала, Европы в целом и всего мира. При этом вынужденная фрагментарность многих его трудов, вызываемая во многом его фатальной бездомностью, как раз четче очерчивает данный вектор. В том, что его рассмотрение важно особенно сегодня — во времена форсированных разломов по причине активизации инородных культуре факторов убеждать не приходится. Чижевский, на своей судьбе испытавший многие подобного рода разломы (в частности, между германским миром и славянством, что заставило его задержать во времена войны публикацию трудов по германославике), все же подчеркивает безальтернативность культурного единения в любое «историческое время», равнозначного для «Нестора славистики» историческому бытию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Федорів І.* Внесок Д. Чижевського у розвиток європейського слов'янознавства // Україна-Світ — Європа. Тернопіль, 2013. Вип. 12.
2. *Чижевский Д.* Гегель в России. СПб., 2007.

⁷ Еще один общеславянский позаимствованный культурный феномен, всесторонне проанализированный Чижевским вместе с Р. Якобсоном — элементы славянской мифологии в поэзии В. Хлебникова и Н. Асеева, а также поэтов-футуристов Чехии и Польши (см. [4. С. 317]).

3. *Чижевский Д.И.* Избранное. В 3 т. М., 2007. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977) / Сост., вступ. ст. В.В. Янцена.
4. *Надьярных Н.С.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М., 2005.
5. *Чижевський Д.* Філософські твори у чотирьох томах. Київ, 2005.
6. *Мельников Г.П.* Возвращение Д.И. Чижевского // Славяноведение. 2008. № 4.
7. *Шруба М.* Гарвардский эпизод биографии Д.И. Чижевского (по переписке с М.М. Карповичем) // Славяноведение. 2014. № 4.
8. *Orbis scriptus.* Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966.
9. *Янцен В.В.* Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008.
10. *Славянское барокко.* Историко-культурные проблемы эпохи / Под ред. А.И. Рогова, А.В. Липатова, Л.А. Софроновой. М., 1979.
11. Барокко в славянских культурах / Под ред. А.В. Липатова, А.И. Рогова, Л.А. Софроновой. М., 1982.
12. *Софронова Л.А.* Три мира Григория Сковороды. М., 2002.
13. Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермакова. М., 2012.
14. *Чижевський Д.* Слов'янський модернізм // Слово і час. Київ, 2004. № 6.
15. *Задорожнюк Э.Г.* Творчество Тараса Шевченко: ширящиеся рецепции и интерпретации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2015. Вып. 50.
16. Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т. II.
17. *Гердер И.* Идеи к философии истории человечества // Гердер И.Г. Избранные сочинения. М., 1959.
18. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфоза русского славянофильства. М., 2019.
19. *Масарик Т.Г.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2003. Т. 3.